

**Офицеры русской армии немецкого происхождения –
участники Бородинского сражения**

В конце 1813 г. усилиям и жертвам, прежде всего воинов русской и прусской армии были изгнаны войска Наполеона с территорий немецких государств. Этому событию предшествовали многолетние политические коллизии и военные столкновения эпохи наполеоновских войн, когда временами вопреки своим национальным интересам немецкие и русские воины были вынуждены идти друг против друга, но момент истины наступил в 1813 году. У России, Пруссии и остальных немецких государств основное устремление оказалось одно – освободиться от наполеоновского диктата. И этому устремлению, в конечном счете, не могло помешать недавняя навязанная вражда. Русскому командованию был ясен вынужденный характер участия немцев в войне Наполеона против России. Кутузов писал Александру I, что Пруссия – противник, «который по несчастным обстоятельствам завлечен в сию войну»ⁱ. Тем более что русских и немцев связывали давние узы сотрудничества. Известно, что в конце XVIII — начале XIX вв. Германия, как и во времена средневековья, делилась на множество мелких и мельчайших государств. Политическая раздробленность тормозила развитие страны, вступала в противоречие с экономическим и социальным уровнем развития Западной и Центральной Европы. Чтобы вырваться из затхлой атмосферы мелкодержавия (*der Kleinstaaterie*), немцы массами покидали родину и искали счастья за рубежом. Россия была для них наиболее притягательным центром, тем более что здесь ощущалась потребность в притоке деятельных и образованных людей, в том числе и военных специалистовⁱⁱ.

Не последнее значение имели высокие оклады, материальные выгоды и возможность сделать карьеру в одной из величайших армий Европы. Еще со времен петровских преобразований в России выходцы из Германии находили благоприятные условия для военной карьеры. Выражение, очень часто встречающееся в биографиях немцев, переселявшихся в Россию «покинул свою родину, для того, чтобы найти свое счастье» (um sein Gluck zu suchen)ⁱⁱⁱ.

О том, как много значило пребывание в России для немецких офицеров можно узнать из их собственных высказываний и биографий. Поражение Пруссии в Русско-пруско-французской войне 1806-1807 гг. и зависимое положение множеств недавно суверенных немецких государств предало новый стимул для перехода на русскую службу патриотически-настроенных немецких офицеров.

Как только немецкие патриоты убедились в том, что их правители предали интересы родины и отказались от борьбы с Наполеоном, они без долгих колебаний начали переселяться в Россию и в ряде случаев принимали русское подданство. В этом не было ничего удивительного: каждый знал, что множество его соотечественников с давних пор находили дружеский прием в России и обрели там вторую родину. В 1812 г. мы видим в России главного вдохновителя национально-освободительного движения в Германии барона Г.Ф.К. Штейна, офицеров Ф.К. Теттенборна, Г.Л.Л. Боена, Шапера и многих других. В России они видели ту силу, которая может оказать решительное сопротивление гегемонии Наполеоновской Франции в Европе^{iv}.

Полковник Ф.-К. Теттенборн, объясняя мотивы своего вступления в русское подданство и русскую военную службу, писал:

«... уже давно из-за несчастья и позора моей страны я могу признавать своим отечеством лишь ту страну, где борются с Бонапартом, а свой долг лишь там, где нужно дать отпор наглости французского господства»^У.

Барон Карл-Людвиг-Август Пфуль служил в прусском генеральном штабе, но после сражения при Йене оставил Пруссию и принят был на русскую службу, с чином генерал-майора. Обладая теоретическими познаниями, он приобрел доверие императора Александра I, поручившему ему составить план военных действий в 1812 г. Неудача проекта относительно дрисского укрепленного лагеря подорвал стратегический авторитет Пфуля; он был вызван в Петербург, а затем удалился в Англию. Впоследствии, когда основная идея Пфуля (хотя в измененном виде и при изменившихся условиях) — действовать на сообщения Наполеона — привел к благоприятному окончанию войны 1812 г., император Александр произвел Пфуля в генерал-лейтенанты и назначил посланником в Гаагу.

Заметное количество бывших генералов и офицеров армий германских государств сразились на Бородинском поле с Наполеоном на этот раз в рядах русской армии. Достаточно упомянуть исполнявшего должность начальника Главного штаба соединенных армий генерала от кавалерии барона Л.Л. (Леонтия Леонтьевича) Беннигсена, генерала от кавалерии герцога Александра Вюртембергского, состоявшего в Свите Главной квартиры инженер-генерал-майора Е.Х. (Егора Христиановича) Ферстера начальника инженеров 2-й западной армии, подполковника Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части К. (Карла) фон Клаузевица, исполнявшего должность обер-квартирмейстера 1-го резервного

кавалерийского корпуса. Разумеется, в русской армии при Бородине сражались и менее известные офицеры, которые покинули свою родину и присягнули российскому императору. По нашим подсчетам таких офицеров в рядах русской армии было около 30 человек (0,7 % от общего состава русского офицерского корпуса при Бородине), причем $\frac{3}{4}$ из них составляли выходцы из Прусского королевства.

Мы располагаем сведениями об отличиях в сражении некоторых из них. Так Федор Иванович Мейер в 1808 г. вступил в русскую службу из ротмистров прусской армии штабс-ротмистром в Орденский кирасирский полк. «26-го авг., командуя эскадронам, был три раза в атаке против французской кавалерии и опрокинул оную». За это отличие в Бородинском сражении он был награжден Орд. Св. Владимира 4 ст. с бантом^{vi}.

Андрей Васильевич Эйхлер вступил в русскую службу из прусской армии в 1802 г. В Бородинском сражении капитан Эйхлер, командуя ротой Черниговского пехотного полка опрокинул кавалерию, атаковавшую батарею (по всей видимости на высотах деревни Семеновской), не потеряв своих людей, за что был награжден впоследствии орденом Св. Анны 4 степени^{vii}.

Евстафий Евстафьевич Ренненкампф вступил в русскую службу из саксонской армии в 1805 году. В Бородинском сражении майор Ренненкампф, в должности командующего Смоленского пехотного полка «под сильным картечным и ружейными выстрелами подавал собой пример подчиненным, поражал неприятеля храбро и неустрашимо». За отличие в Бородинском сражении был награжден орденом Святой Анны 2 степени с алмазами^{viii}.

Примечательна судьба Федора Васильевича (Фридриха

Вильгельма) Дризена, происходившего из прусских дворян. С 16 лет начал службу в русской армии. В 1812 г. в чине полковника являлся шефом Муромского пехотного полка. Он отличился в Бородинском сражении, командуя полком, захватил укрепленную высоту, ранее оставленную войсками Багратиона (речь, по-видимому, идет об артиллерийских укреплениях на высотах деревни Семеновской). Был тяжело ранен. Награжден орденом Св. Георгия 4 класса^{ix}. Ранение в ногу оказалось тяжелым и ее ампутировали, но Ф.В. Дризен остался в строю, участвовал в заграничных походах русской армии 1813-1814 гг., после ранения состоял на воинской службе более 30 лет, с 1826 г. генерал-лейтенант, с 1848 г. генерал от инфантерии.

Из всех поименно выявленных нами бывших офицеров немецких армий более половины получили боевые награды за отличие в сражении.

Другая более многочисленная группа офицеров русской армии немецкого происхождения — это остзейские немцы, выходцы из Лифляндии, Курляндии и Эстляндии. Они составляли 4,3 % от общего количества офицерского корпуса 1-й и 2-й Западной армии, что в численном отношении составляло около 200 человек. Немало видных военачальников и героев Отечественной войны 1812 года вышло из их среды: главнокомандующий 1-й Западной армией генерал от инфантерии М.Б. (Михаил Богданович) Барклай де Толли, командир 2-го пехотного корпуса генерал-лейтенант Карл Федорович Багговут, командир 2-го резервного кавалерийского корпуса и командующий 3-м резервным кавалерийским корпусом генерал-майор, генерал-адъютант, барон Ф.К. (Федор Карлович) Корф, генерал-квартирмейстер 1-й Западной армии полковник Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части

К.Ф. (Карл Федорович) Толь.

По нашим подсчетам более 40 % офицеров-остзейцев, участвовавших в Бородинском сражении, были награждены боевыми наградами за отличия в битве.

Интересно отметить тот факт, когда со смертью бездетного князя М.Б. (Михаил Богданович) Барклай де Толли, дабы не пресеклось в потомстве его славное имя, в 1858 г. был пожалован титул князя Барклай де Толли Петру Федоровичу Веймарну, который был женат на племяннице прославленного полководца Христиане Августе фон Людерс^x. Кстати, Веймарн участвовал в Бородинском сражении в чине подпоручика Елецкого пехотного полка и «выполняя поручения, был ранен» за что награжден Золотой шпагой с надписью «За храбрость»^{xi}.

Из общего списка офицеров русской армии — участников Бородинского сражения в 4036 человек нами выявлено 540 носителей немецких фамилий, что составило 13,4 %. Причем из этого количества по нашим подсчетам 230 офицеров происходили из иностранных и остзейских дворян, а у остальных 320 в документах происхождение записывалось весьма разнообразно: «из дворян», «из дворян такой-то губернии» или даже «из российских дворян». Разумеется, среди этих людей многие считали себя русскими: у многих выходцами из немецких земель являлись далекие пращурь, о которых их потомкам напоминала лишь фамилия.

Как известно национальность в формуляре тогда не записывалась, но можно с известной долей точности определить национальность по фамилии, имени и отчеству. Так, например: полковник Лейб-гвардии Егерского полка Карл Иванович Бистром 1-й (потомок древнего эстляндского рода, восходящего к рыцарям

тевтонского ордена) записан в полковых формулярных списках лапидарно «из дворян», прапорщик Черниговского пехотного полка Александр Иванович Бистром из дворян Виленской губернии, подпоручик 11-го егерского полка Антон Андреевич Дибич из дворян Херсонской губернии и т.д.

При Бородине в русском офицерском корпусе среди представителей национальных меньшинств немцы были наиболее многочисленными более 5 %, для сравнения доля поляков составляла 3,4 %, французов и шведов по 0,2 %, доля представителей других национальностей была еще малочисленнее. Кстати, по нашим подсчетам среди генералов — участников Бородинского сражения, доля немцев составляла 13,5 %, а среди генералов всей русской армии по состоянию на 1815 г. доля немцев составляла 21 % (в т.ч. 13,5 % остзейских немцев, 6,2 % выходцев из немецких государств, 1,3 % из дворян Российской империи).

Но в составе русской армии были не только генералы и офицеры немецкого происхождения, но и солдаты, которые вступили в русскую службу добровольно. Правда, их количество гораздо скромнее. Среди 1370 формуляров унтер-офицеров — участников битвы нам удалось выявить два формулярных списка, принадлежащих немцам. Так, Петр Иванович Бер «прусской национальности определен в службу на 10 лет» рядовым в 1805 г. в Астраханский кирасирский полк, в 1807 г. он уже в чине унтер-офицера. Иван Андреевич Булфельд из разночинцев Эстляндской губернии в 1807 г. «добровольно» вступил рядовым в Астраханский кирасирский полк, а на следующий год ему присвоен чин унтер-офицера^{xii}.

Многие немецкие фамилии, которые мы находим среди

участников Бородинского сражения, такие как Беллинсгаузен, Витте, Врангель, Фонвизин, Дибич, Керн, Книппер, Рихтер и другие можно встретить среди деятелей российской политики, культуры, науки XVIII-XX вв. Таким образом, судьбы многих потомков тех немцев, которые в свое время приехали в Россию в поисках счастья, стали неразрывны с судьбой России.

Примечания

ⁱ Кутузов М.И.: Сборник документов. Т. 4, ч. 2. М. 1955. С. 455.

ⁱⁱ См.: *Дружинина Е.И.* Русско-немецкие культурные связи и освободительная война 1813 г. /Бессмертная эпопея. М. 1988. С. 208.

ⁱⁱⁱ Там же. С.210.

^{iv} Там же. С.215

^v Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. Сборник документов. М., 1964. С. 54.

^{vi} РГВИА.Ф.29 оп. 153 г, св. 20, д.13, лл. 284 об.-285.

^{vii} Там же. Лл. 525 об.-526.

^{viii} Там же. Лл. 406 об.-407.

^{ix} Там же. Д.13.

^x См.: Немцы России. (Энциклопедия). М. 1999.

^{xi} РГВИА.Ф.29 оп. 153 г, св. 20, д.13, лл. 506 об.-507.

^{xii} См.: там же. Ф. 489. Д. 2147.